

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-250-259

EDN: NBUIBI

Научная статья / Research article

Хронотоп романа Д. Накипова «Круг пепла»

У.В. Овчеренко ✉, Н.В. Щенникова

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
✉ ovcherenko1993@gmail.com

Аннотация. В условиях преобладания полистилистики как метода создания современного казахстанского транслингвального романа крайне актуальны исследования новых путей воплощения авторского замысла. Настоящее исследование обращается к проблеме хронотопа в романе Д. Накипова «Круг пепла», а также цели, которая преследуется автором при выборе определенного представления пространственно-временного континуума в произведении. Произведен подробный анализ и сравнение двух пластов повествования: бытия племени самионов и бытия цивилизации оносамов. С помощью последовательного со- и противопоставления двух миров подчеркивается не только разность двух культур, но и точки их соприкосновения. Обосновывается положение, что два различных между собой мира есть единый хронотоп романа. В исследовании раскрывается замысел произведения: Д. Накипов демонстрирует, к какому декадансу гипотетически может привести отказ от природности, естественности бытия, чем чревато желание заключить живую жизнь в рамки индустриализации, как пагубно может сказаться оторванность от корней и прошлого. По мысли Накипова, ни одна скрупулезно выверенная рафинированная условность не в состоянии породить свободы и по определению не может быть так плодотворна, как дикий, но яркий первобытный хаос. Кроме того, противопоставление племени самионов и цивилизации оносамов служит для выражения идеи, общей для казахстанских русскоязычных писателей, — идеи абсолютной связи всего сущего сквозь времена и пространства. Также в статье фиксируется особенность формирования объективации хронотопа в постмодернистском романе с помощью художественной детали. Несмотря на то, что роман «Круг пепла» невозможно однозначно отнести к постмодернизму, все же нельзя не сказать о том, что черты данного литературного направления в романе присутствуют. Объективацией хронотопа в романе выступает казахский архетип круга, что подчеркивает выраженную в романе идею Абсолюта.

Ключевые слова: хронотоп, казахстанская литература, транслингвальная литература

История статьи: поступила в редакцию 16.02.2023; принята к печати 19.02.2024

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Для цитирования: Овчеренко У.В., Щенникова Н.В. Хронотоп романа Д. Накипова «Круг пепла» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 250–259. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-250-259>

Chronotope of D. Nakipov's Novel "The Circle of Ash"

Uliana V. Ovcherenko^{ORCID}, Nina V. Shchennikova^{ORCID}

RUDN University,
6 Mikhlukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
✉ ovcherenko1993@gmail.com

Abstract. In the context of the predominance of polystylistics as a method of creating a modern Kazakh translingual novel, the research into new ways of realizing the author's intention is extremely relevant. This study addresses the problem of chronotope in D. Nakipov's novel "The Circle of Ash," as well as the goal pursued by the author when choosing a specific representation of the space-time continuum in the work. A detailed analysis and a comparison of two layers of the narrative was made: the existence of the Samion tribe and the existence of the Onosam civilization. With the help of consecutive comparisons of the two worlds, not only the difference between the two cultures is emphasized, but also the points of their contact. The position is substantiated that two different worlds are a single chronotope of the novel. The study reveals the intention of the work which is that D. Nakipov demonstrates what kind of decadence the rejection of naturalness, the naturalness of being, can hypothetically lead to, what the desire to enclose living life within the framework of industrialization can lead to, how detrimental the impact of isolation from roots and the past can be. According to Nakipov, not a single scrupulously verified and refined convention cannot generate freedom and, by definition, cannot be as fruitful as wild but bright primitive chaos. In addition, the contrast between the Samion tribe and the Onosam civilization serves to express an idea common to Kazakh Russian-speaking writers — the idea of the absolute connection of all things between times and spaces. The article also records the peculiarity of the formation of objectification of the chronotope in the postmodern novel with the help of artistic detail. Even though the novel "The Circle of Ash" cannot be unambiguously attributed to postmodernism, it is still impossible not to say that the features of this literary movement are present in the novel. The objectification of the chronotope in the novel is the Kazakh archetype of the circle, which emphasizes the idea of the Absolute expressed in the novel.

Key words: chronotope, literature of Kazakhstan, translingual literature

Article history: received 16.12. 2023; accepted 19.02.2024

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution: undivided co-authorship.

For citation: Ovcherenko, U.V., and N.V. Shchennikova. 2024. "Chronotope of D. Nakipov's Novel "The Circle of Ash." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 250–259. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-250-259>

Введение

Проблема бытия и, как следствие, проблема восприятия пространства и времени всегда волновала выдающиеся умы человечества. Знаковым открытием, повлиявшим на все сферы науки XX в., стала теория относительности А. Эйнштейна, постулирующая фундаментальную связь пространства и времени. В литературоведении эта теория нашла отражение в понятии хронотопа, выведенного М.М. Бахтиным в работе «Формы времени и хронотопов романе», в которой Бахтин указывает на то, что жанр произведения определяется

именно хронотопом [1. С. 234-407]. Новый термин далее получил свое развитие в работах И.Р. Гальперина [2] и З.Я. Тураевой [3], ныне же прочно закрепился в научном арсенале гуманитарного знания. Так, Ю.Л. Сироткин [4], М.Ю. Рябова [5] обосновывают антропологическую природу хронотопа Бахтина [4], а Д.Д. Калимуллин приходит «...к мысли о возможности превращения хронотопа в универсальную, фундаментальную категорию, которая может стать одним из принципиально новых оснований культурологии» [6].

Тяготение современного казахстанского романа к полистилистике (согласно С.М. Алтыбаевой [7]) подталкивает автора к выбору инвариантного пространственно-временного континуума своего произведения. Именно такой небанальный хронотоп демонстрируется Д. Накиповым в романе «Круг пепла». В романе перед читателем открываются три ветви пространства-времени: Алматы в период с 60-х гг. XX в. до современности (условное прошлое-настоящее); планеты оносамов, разделенной космосом с Землей (или планетой-Близняшкой, как ее называют сами оносамы / условная альтернативная реальность); и времена племени самионов (условное прошлое).

Данное исследование анализирует точки соприкосновения и отталкивания двух миров — племени самионов и цивилизации оносамов. Несмотря на то, что по времени бытования планета оносамов параллельна Алматы, эффективнее сравнивать бытование оносамов с бытованием самионов, так как именно к пространству самионов есть доступ у Вотума Посвященных, а в именах племени и цивилизации сокрыта их нерушимая связь. Более того, именно эти два пространства наиболее ярко представляют собой противоположности-единства бытия. По мысли Накипова, ни одна скрупулезно выверенная рафинированная условность не в состоянии породить свободы и по определению не может быть так плодотворна, как дикий, но яркий первобытный хаос. Кроме того, противопоставление племени самионов и цивилизации оносамов служит для выражения идеи, общей для казахстанских русскоязычных писателей, — идеи абсолютной связи всего сущего сквозь времена и пространства.

Обсуждение

Мифологическая природа времени и пространства самионов очевидна: «Они ничего не помнили дальше года назад (система их летосчисления неизвестна)... Границ ее (равнины. — *Прим. О.У.*) самионы не знали, да и никто из них не уходил от грудастых гор дальше шести дней пути... Равнина велика и прожорлива, и каждый день съедает по солнцу и луне — вчера и сегодня» [8. С. 30].

В то же время природа общества оносамов скорее технологична. Известно, что их летосчисление измеряется десятилетиями. «Сокрушительный» период прогресса принес за собой необходимость рекультивировать сложные

биосистемы, подвергшиеся распаду. Но даже при должных усилиях ученых не удалось доподлинно восстановить, «...что являлось натуральным-архиприродным, а что искусственно пост-воспроизведенным, или представляло собой гео-био-голографически возрожденное-первородное» [8. С. 100]. Обратим внимание на понятие «первородное». Для племени самионов первородная девочка Е-во является великой ценностью, которую оберегает все племя. Для оносамов же первородное доступно лишь вкупе с технологическим воспроизведением, возрождением (если био-голограмму можно назвать полноценным возрождением). Здесь не идет речь о сохранении — только о восстановлении, и то — восстановлении, скорее, подобного, нежели первородного.

Жизнь самионов подчинена природе, её радостям и опасностям. Культура самионов строится на понимании природы и взаимодействии с ней. Однажды сытным и теплым летом первый писец племени высекает на камне первый петроглиф (Д. Накиповым творчески используется омонимия слов: «жаз» в переводе с казахского языка означает и «лето», и «пиши»). Вождь племени первым покоряет могучего жеребца Гиги, прося его о том, чтоб Гиги стал с ним, с вождем, единым целым. Не покорение скакуна важно для вождя, а то, что вдвоем с Гиги смогут они летать, чего поодиночке никто из них добиться не сможет. Покой племени нарушает опасный внешний враг — чудище Осьмихорр, которое насилует женщин самионов, после чего появляются на свет дети с разным цветом кожи (в соответствии с цветом каждого из восьми отростков Осьмихорра). Таким образом, насильственно, увеличивается популяция самионов и вносится разнообразие в эту популяцию.

В то же время в цивилизации самионов настает застой, когда после ранее упомянутого периода прогресса самионы теряют возможность к живорождению и воспроизведению себя. В попытке остановить вымирание было принято решение переносить геномы только что умерших на Земле детей. Таких детей называли клонариями или клоносамами. Решение оказалось удачным: клонарии, в отличие от «автохтонных» оносамов, могли производить потомство даже при условии брака с оносамом, вследствие чего было остановлено вымирание цивилизации.

Обратим внимание на поэтику цвета при анализе детей двух пластов повествования. Изменение цвета кожи детей, рожденных в результате нападений Осьмихорра: «К отрочеству становилось заметно, что разноцветны они: кожа их имела оттенки от желтого, синего, черного, красноватого цвета... Затем и от них пошли дети, но никто из них уже не имел кожи и волос первородного самионского цвета» [8. С. 26] — воспринимается как хотя и неизбежное, но несчастье, потеря самионской идентичности. Если сначала жертв нападений чудища и плоды этих нападений не стыдили, то затем потомки Осьмихорра стали менее уважаемыми в племени, нежели «чистые» потомки самионов. Более того, отмечался повышенный интерес к соитию, исходящий

от потомков Осьмихорра. Позже разноцветных детей стало так много, что рождение «чистого» ребенка вызывало удивление, и таких рожденных девочек всячески оберегали, чтобы они не знали нападения чудища равнины (известно, что одна такая девочка Е-во родилась через поколения).

А вот описание изменения цвета кожи потомков оносамов и клонариев: «К тому же, к радости первородных оносамов, доминирующий серо-сталистый-пепельный оттенок кожи автохтонов планеты, в новом потомстве клонариев имел несравненный по красоте теплый янтарный цвет» [8. С. 101]. Разительное различие наблюдается в выбранной лексике: если описание цвета потомков Осьмихорра дается простым перечислением, то цвет кожи детей клонариев и оносамов сопровождается эпитетами. Подобный выбор лексических средств дает понять читателю, что, несмотря на то, что в обоих случаях речь идет о пополнении популяции и увеличении как племени самионов, так и цивилизации оносамов, все же самионы не рады такому демографическому повороту, хотя со временем и приняли его как нечто неизбежное (вплоть до того, что рождение «чистых» детей ставило под сомнение репутацию самки — не скрывает ли она чего-то от соплеменников). Оносамы же, напротив, рады новому потомству: для них не так важно сохранить автохтонность, ведь само их существование поставлено под угрозу.

Особо стоит выделить и качество жизни двух обществ после «демографического взрыва». Общество самионов как будто приобретает большую жестокость в сравнении с автохтонным существованием. Связано ли это напрямую с повышенной агрессивностью в спаривании у потомков Осьмихорра — неизвестно. Скорее, это связано с необходимостью защищать «чистых» самок самионов от «полукровок», в связи с чем общество принимает новые законы и перестраивается на более авторитарный стиль правления племенем. Цивилизация же оносамов, напротив, позитивно настроена по отношению к клонариям: «Впечатляющие перемены произошли и в сознании оносамов, и в той деликатной сфере соития, которая без высокой этической цели деторождения превращалась в изощренную систему физиологического оргазма ради оргазма... К оносамам прежней формации возвращалась любовь, кипящая лава чувств, возвышенные эмоции, счастье-тревога ожидания потомства, нежность и инстинкт обережения детей» [8. С. 101]. Возможность клоносамов воспроизводить самих себя подарила обществу переход от застоя к стабильному возрождению, что сказалось не только на физическом существовании цивилизации, но и на ее душевном самоощущении.

Если проанализировать этот момент глубже, то становится понятно следующее: по косвенным замечаниям о повышенной агрессии потомков Осьмихорра [8. С. 26] можно сделать вывод, что они ментально отличались от автохтонных оносамов, то есть общество меняется, сталкиваясь с новой психической формацией своих членов. Клонарии же отличаются от автохтонных

оносамов лишь происхождением: геном человеческих детей схож с геномом оносамов, а их перенос на далекую планету в раннем возрасте позволял воспитывать их в этических нормах другой цивилизации [8. С. 101].

Однако идиличность картины, обрисованной в начале знакомства с цивилизацией оносамов, и в то же время дикость нравов племени самионов лишь кажущиеся. С племенем читатель знакомится постепенно; отрывки, описывающие бытование древнего общества, выполнены в манере мифа: мы можем услышать древние протяжные напевы, молитвы племени, чаяния соплеменников, наблюдать особые ритуалы и праздники. Важно то, что завораживающая картина жизни самионов порой жестока, но невероятно жизнеспособна. Племя впитывает в себя новое, преобразуя, казалось бы, не вполне подходящее во что-то величественное. Мы наблюдаем за тем, как появляется их письменность, формируется их культура, а затем — *память*. Цивилизация оносамов, напротив, в массе своей *память* теряет: прогресс смёл любые упоминания об обществе, предшествующем оносамам. Единственный способ проникновения простым наблюдателем в прошлое становится круг предствояния — и тот находится под контролем Эдикта всеобщего права и Вотума Посвященных, рядовой оносам не имеет к нему доступа. В описании жизни в целом оносамов использованы приемы антиутопии: идилическое существование, недоступность знаний о прошлом, идеологическая выверенность общества. В.И. Филатов в статье «Антиутопия XX в. как метод предвидения будущего» выделяет следующие функции этого жанра: рефлексивная, познавательная, прогностическая, идеологическая и охранительная [9].

С нашей точки зрения, наиболее важна прогностическая функция, тесно переплетающаяся с охранительной, — антиутопия «работает» на выявление нежелательных и даже опасных тенденций формирования утопического общества, как бы предвосхищает будущее, которое невозможно научно спрогнозировать и возможно только творчески постичь. Д. Накипов же склонен к скорее пессимистичному восприятию гипотетической реальности: «Мы живем в плену технологических утопий, глобализации СМИ и глобального эгоизма. Наступает эпоха саморазрушения. Уверен, через десять лет мир станет пустыней, как Европа после Второй мировой войны; теперь не только Европа. Мир в прелюдии мировой войны. Миром правит религия мести»¹. Таким образом, элементы жанра антиутопии весьма органично вписываются в авторский замысел, ведь творец всегда пытается осмыслить будущее исходя из анализа настоящего сквозь призму собственного мироощущения. Отчужденность оносамов и от землян, и от своих предков самионов, даже несмотря на наполнение «свежей кровью» общества, идеологически и идейно все еще остается

¹ Интервью. Мир глазами Д. Накипова // Республиканский общественно-политический журнал «Мысль». URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=7466> 2016, 27 июля (дата обращения: 03.09.2020).

в застое. Несмотря на то, что жизнь оносамов, видимо, диаметрально противоположна жизни самионов, своей сутью эти две реальности оказываются неразрывно связаны, их существование зеркально. Рассмотренный выше эпизод пополнения популяции у самионов случается на заре формирования их общества, в то время как оносамы переживают это в своем декадансе. Названия двух народов так же зеркальны, как и их жизни. Автор приводит этимологию самоназвания древнего народа: «Когда самионы им дадут имена, первые: Она и Он. Сам. И — Они. Он и Она... Разум и речь... Самионы!» [8. С. 137]. В названии подчеркивается семантическая целостность двух объектов как аспекта биологически мужского и женского, так и разума и речи, при этом отмечается возможность независимости и самостоятельности этой целостности, при этом концовка слова «оны» указывает на общность таких целостностей. На контрасте с такой этимологией отзеркаленное название «оносамы» выглядит как нечто, в составе которого потерян один из необходимых для полноты жизни двух объектов, при этом концовка «самы» указывает на обособленность. Само название народа антиутопии пророчит ему нежизнеспособность, болезненную отделенность от своих корней и, как следствие, невозможность дать плодотворные ростки — при всей своей высокотехнологичности и, казалось бы, развитому социальному укладу автохтонные оносамы не могут размножаться.

При описании мира оносамов Накипов обращается к таким элементам антиутопии, как проблемы евгеники, отталкивание от утопии, индустриализация, особый топос, замкнутость пространства антиутопии. Два последних фактора особенно важны для понимания содержания романа. Жители Земли не подозревают о наличии у нее планеты-близнеца. Лишь некоторые гении, такие как Калмык (прообразом которого стал Сергей Калмыков, известный казахстанский художник), с помощью творческой потенции постигают этот факт, могут выразить его в искусстве; однако доказать его, как и вступить в контакт с оносами, они не способны. Однако, несмотря на воздвигнутые границы, безымянная планета оказывается тесно, фактически неразрывно, связана как со своим земным настоящим, так и со своим прошлым. Несмотря на то, что описание быта и законов «голубой» планеты достаточно сжатое, упоминания о нормах и условиях, в которых существует общество жителей планеты, достаточно ярко рисуют мир оносамов. Указывает Накипов и на подчеркнутую индустриальность, то есть неестественность жизни на «голубой» планете. Таким образом, читателю дается понять, что развитие индустриализации почти полностью поглощает собой исконную природу планеты, подменяет собой естественность и живость. Этот аспект явственно перекликается с нефтяной пищей из антиутопии Е. Замятина «Мы»². в связи с чем можно сделать однозначный вывод, что популяцию оносамов может ждать такое же

² Замятин Е. Мы // Сочинения. М.: Книга, 1988. Электронная версия. URL: <https://ilibrary.ru/text/1494/p.5/index.html> (дата обращения: 05.03.2024).

неутешительное будущее, несмотря на предпринятые меры, направленные на рост демографии на планете. Таким образом, Д. Накипов изображает картину общества антиутопии, находящегося в упадке своей жизнеспособности. Автор подчеркивает несостоятельность концепции отхода от естественности и «живой жизни», осуществляя прогностическую и охранительную функцию антиутопии. Накипов наглядно демонстрирует, к какому декадансу гипотетически может привести отказ от природности, естественности бытия, чем чревато желание заключить живую жизнь в рамки индустриализации, как пагубно может сказаться оторванность от корней и прошлого. По мысли Накипова, ни одна скрупулезно выверенная рафинированная условность не в состоянии породить свободы и по определению не может быть так плодотворна, как дикий, но яркий первобытный хаос. Кроме того, противопоставление племени самионов и цивилизации оносамов служит для выражения идеи, общей для казахстанских русскоязычных писателей, — идеи абсолютной связи всего сущего.

Связующим же звеном между пластами повествования становится традиционный казахский архетип круга. Уже в названии используется эта архетипическая фигура. Сакральный символ встречается в романе достаточно часто, он органично, а главное, не нарочито вписан в повествование: это и круг огня первобытного племени, и огненный круг фламенко Орнеллы Мути и Дока, и круги пепла памяти Гевры, в которых однажды закружились он и Балерина. Интересно, что круг в культуре самионов встречается дважды. Впервые — мертвый круг пепла при описании равнины, места жизни самионов. Второй раз — при описании ежегодного обряда, поддерживающего племенной миф о возрождении жизни. В культуре оносамов круг Предстояния становится местом, связующим мир оносамов и самионов. Где конкретно круги оносамов и самионов встречаются — в жизни ли, в смерти ли — этот вопрос открыт для читателя. Круги сопровождают героев романа на протяжении их жизней, четко проступая в переломные моменты, когда один герой осознает частицу себя через, даже сквозь другого героя. Наиболее распространенным образом романа становятся круги памяти, завораживающие наблюдателя, память уподобляется омуту, по которому расходятся круги воспоминаний, центром круга, порождающим движение памяти, становится запах, неясное предчувствие или цвет. Л.В. Гришкова в статье о хронотопе в романе Питера Акройда «Чаттертон» называет экфрасис объективацией хронотопа [11]. В случае с романом «Круг пепла» объективацией хронотопа, безусловно, выступает архетип круга.

Заключение

В одном из интервью Дюсенбека Накипова спросили, почему его роман называется «Круг пепла». Он ответил: «Когда мне было 9 лет, я проводил каникулы на джайлау. Аул решил перекочевать на другое место. Мои родные

что-то забыли и попросили вернуться, принести вещь. Я пришел в самом замечательном настроении на то место, где только что стояли юрты, и увидел круги пепла. Впервые я заплакал один на один с собой. Не знаю, почему. Там чувствовался запах вчерашних баурсаков, только что кипевшей жизни... Возможно, тогда во мне и проснулся поэт. Задумываюсь о времени. Очень сложно разомкнуть круги настоящего в прошлом. Мы вот с вами сейчас думаем, что живем настоящим, а на самом деле находимся в прошлом, а еще больше — в будущем»³. Эта мысль автора воплощается в романе, где круги событий, внешне не связанные друг с другом, все же встречаются в центральной точке «Алматы». Круг становится выразителем всеединства, идеи Абсолюта, которая прослеживается в творчестве русскоязычных казахстанских писателей. Можно с полной уверенностью говорить о едином хронотопе романа, а не об отдельных пространственно-временных континуумах повествования. Единство, неразрывная связь прошлого с будущим и важность сохранения этой связи, пусть даже наперекор кажущимся надежными «беспамятным» покою и порядку, — вот высшая идея романа «Круг пепла».

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2005.
3. Тураева З.Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика): учебное пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1986.
4. Сироткин Ю.Л. Антропологическая природа хронотопа М.М. Бахтина // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2022. № 3. С. 277–282.
5. Рябова М.Ю. Антропоцентризм лингвистических категорий: хронотоп // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 79–83.
6. Калимуллин Д.Д. Хронотоп в гуманитарном познании // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 10. С. 115–121.
7. Алтыбаева С.М. Казахская проза периода Независимости: традиция, новаторство, перспективы: монография. Алматы: Ылым, 2018.
8. Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. Алматы, 2005.
9. Филатов В.И. Антиутопия XX века как метод предвидения будущего // Вестник Омского университета. 2014. № 4 (74). С. 84–86.
10. Гришкова Л.В. Хронотоп постмодернистского романа // Вестник Курганского государственного университета. 2009. № 2 (16). С. 80–82.

References

1. Bakhtin, M.M. 1975. Questions of literature and aesthetics. Moscow: Khudozh. lit. publ. Print. (In Russ.)
2. Galperin, I.R. 2005. Text as an object of linguistic research. Moscow. Print. (In Russ.)

³ Интервью. Мир глазами Д. Накипова // Республиканский общественно-политический журнал «Мысль». URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=7466> 2016, 27 июля (дата обращения: 03.09.2020).

3. Turaeva, Z.Ya. 1986. Linguistics of text: (Text: structure and semantics): textbook for pedagogical students. Moscow: Enlightenment publ. Print. (In Russ.)
4. Sirotkin, Yu.L. 2022. “Anthropological nature of M.M. Bakhtin’s chronotope.” *Izvestiya Sarat. Universita. Nov. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, no. 3, pp. 277–282. (In Russ.)
5. Ryabova, M.Yu. 2014. “Anthropocentrism of linguistic categories: chronotope.” *International Journal of Cultural Research*, no. 2 (15), pp. 79–83. (In Russ.)
6. Kalimullin, D.D. 2017. “Chronotope in humanitarian knowledge.” *Social and humanitarian knowledge*, no. 10, pp. 115–121. (In Russ.)
7. Altybaeva, S.M. 2018. *Kazakh prose of the period of Independence: tradition, innovation, prospects: monograph*. Almaty: Gylym publ. Print. (In Russ.)
8. Nakipov, D. 2005. *The Circle of Ash. A novel of intentions*. Almaty publ. Print. (In Russ.)
9. Filatov, V. I. 2014. “Dystopia of the 20th century as a method of predicting the future.” *Bulletin of Omsk University*, no. 4 (74), pp. 84–86.
10. Grishkova, L.V. 2009. “Chronotope of the postmodern novel.” *Bulletin of Kurgan State University*, no. 2 (16). pp. 80–82. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Овчеренко Ульяна Владимировна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, институт русского языка, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0009-0004-8706-6906; E-mail: ovcherenko1993@gmail.com

Щенникова Нина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, институт русского языка, Российский университет дружбы. ORCID: 0000-0001-8493-0827; E-mail: ninashenn@gmail.com

Bio notes:

Ulyana V. Ovcherenko is a Doctor of Philosophy in Philological Sciences, teacher of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. ORCID: 0009-0004-8706-6906; E-mail: ovcherenko1993@gmail.com

Nina V. Shchennikova is a Doctor of Philosophy in Philological Sciences, Assistant professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. ORCID: 0000-0001-8493-0827; E-mail: ninashenn@gmail.com